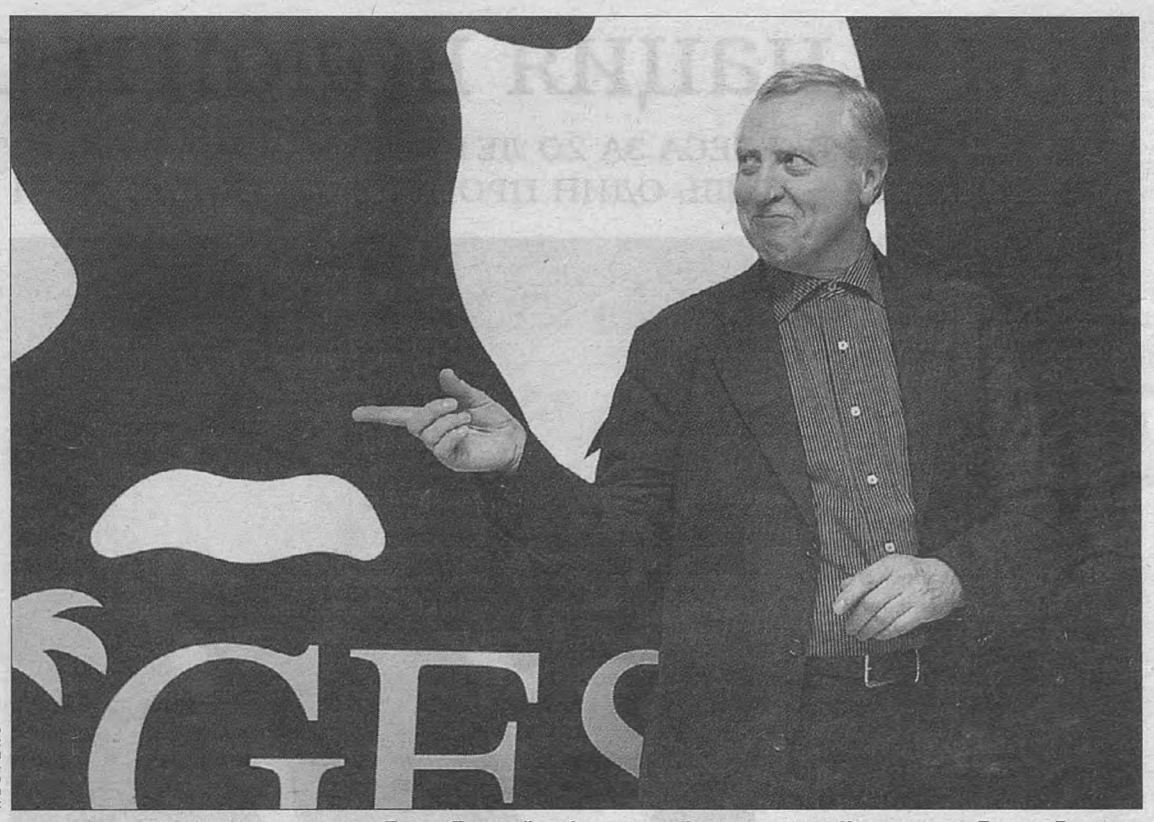
Золотой запас Питера Гринуэя

ЛЕГЕНДАРНЫЙ БРИТАНСКИЙ РЕЖИССЕР – О ЛИТЕРАТУРЕ, СМЕРТИ КИНЕМАТОГРАФА И ЭЛЕМЕНТАХ ТАБЛИЦЫ МЕНДЕЛЕЕВА

ПРОЕКТ

Антон ДОЛИН


REUTERS

Питер Гринуэй собирается объехать мир с «Чемоданами Тульса Люпера»

На минувшем ММКФ состоялся всего один сеанс дублированной версии «Чемоданов Тульса Люпера» Питера Гринуэя: эта эпохальная работа вновь прошла мимо широкой публики. Однако новую книгу Гринуэя прочитать может любой. Издательство «Иностранка» выпустило опус под названием «Золото» — еще одну частичку интерактивного мультимедийного проекта, посвященного узнику всех тюрем XX века и неунывающему коллекционеру Тульсу Люперу. Разобраться в этой книге «Московским новостям» помог сам автор.

Ни вы, ни я в жизни не видели ни одного фильма. Все, что мы видели, – иллюстрированные тексты

— Вы еще не устали от Тульса Люпера?

— Тульс Люпер — это я сам. Он отнял у меня последние десять лет, и это еще не конец. «Тульс Люпер» — главный труд моей жизни, мой magnum opus, включающий все, что я знаю о жизни, искусстве, кинематографе и индустрии развлечений. Меня всегда интересовали понятие «энциклопедия» и энциклопедическая форма. Мой герой — наследник шестисотлетних традиций западноевропейского энциклопедизма: от Данте к Джойсу, не забывая об Эйнштейне, д'Аламбере и Дидро. Каждый из них пытался изо всех сил собрать весь мир в одном месте. Смешная амбиция, свойственная, впрочем, всей нашей цивилизации… Я попытался создать мою собственную версию.

— Не только кинематографическую, не так ли? Благодаря Тульсу Люперу вы предстали и в иных качествах — например, как литератор…

— Сам-то я давно считаю, что кинематограф мертв, и все интересные творцы сегодня двигаются в сторону чего-то нового — постцифрового, электронного, телевизуального и компьютерного. Но я — кинематографист, хотя мне жутко не нравится это определение. Поэтому мои продюсеры искали и находили деньги под кинопроект. Мультимедийное соотношение текста и образа — наилучшая из возможностей создать энциклопедию нового типа. Меня интересуют DVD, интерактивные вебсайты, видеоигры и прочие радикальные аудиовизуальные формы. И я работаю. То, что получается — «Чемоданы Тульса Люпера».

— Долго еще будете работать над этим циклом?

— Две трети впереди, а в ту треть, которую я уже одолел, входит киноверсия. Включающая среди прочего и русские эпизоды. Я очень горжусь интернет-игрой «Путешествие Тульса Люпера», которую в день посещают около полутора тысяч игроков со всего мира. Со всеми нашими инициативами я езжу повсюду, впереди у меня поездки по Южной и Северной Америке. Потом заеду и в Россию. И сделаю все возможное, чтобы как можно больше людей привлек этот проект.

— Однако у вас репутация художника скорее элитарного толка…

— Если вы видели мои фильмы, то знаете, что меня интересуют ненарративные и нелинейные структуры, а с их помощью куда сложнее заинтересовать широкую аудиторию. Но меня интересуют не цифры продаж билетов, а другие числа — например, атомное число урана, которому посвящены «Чемоданы Тульса Люпера». Уран — важнейший из элементов, на нем строится вся история XX века. Однако есть и другие элементы. Один из чемоданов Люпера наполнен золотом. Может, даже несколько чемоданов — ведь он носил там 92 золотых слитка… Но предположим, что речь об одном чемодане, №46. А всего чемоданов — по числу урана — 92. Другими словами, чемодан с золотом — в самом сердце моего проекта. Книгу составили выдуманные мной истории слитков, отлитых из ценностей, конфискованных нацистами у европейских евреев во время Второй мировой. Символически — это воплощение тех тоталитарных режимов, которые были важнейшей частью истории минувшего столетия.

— Вы говорили о ненарративном искусстве, но связанные с золотом сюжеты весьма увлекательны…

— Меня интересуют ненарративные формы в кинематографе, а не в литературе. Вообще-то написание историй — сомнительная деятельность. Уж слишком простая, на мой вкус. Недаром весь известный мне кинематограф ворует сюжеты из книг, питает себя книгами. Никто из нас, ни вы, ни я, в жизни не видел ни одного фильма. Все, что мы видели, — иллюстрированные тексты. А мое кино — оппозиция, борьба между образом и текстом.

— А как золото повлияло на вашу личную жизнь, на вашу судьбу?

— Кажется, никогда в жизни у меня не было ни единого предмета из золота. Но тема книги важна для меня по иным причинам. Год моего рождения — 1942-й. Я не еврей, но у меня огромное количество друзей-евреев, и их родители — да и мой собственный отец — немало страдали от той знаменательной попытки немцев подмять под себя Европу. Я писал больше об этом, чем о золоте как таковом.

— Помню, в одной из своих лекций вы сказали, что нет ничего важнее, чем смерть и секс. Будто бы Бальзак попытался ввести в искусство третий элемент — деньги, — но не преуспел. Однако именно тот металл, из которого отливается монета, стал важнейшим элементом вашей теперешней работы?

— Да, о золоте можно сказать немало забавного. Например, если собрать все золото на Земле, из него получится гигантский слиток, 60 кубометров. Как минимум половина этого золота — из Латинской Америки. Если у вас на руке кольцо, — с пятидесятипроцентной вероятностью вы носите золото, добытое еще ацтеками. Золото условно. И деньги тоже. А смерть и рождение… вернее, смерть и зачатие, Танатос и Эрос, безусловны. Поэтому они гораздо важнее.

— Вы сказали, что кинематограф мертв. Что заставляет вас думать, будто литература все еще жива?

— Литература охватывает примерно три тысячи языков, на которых говорят народы Земли. Бэкграунд литературы огромен, чего не скажешь о бэкграунде кинематографа — небольшом и бедном. В 1895-м кино только было изобретено, а сегодня оно уже умерло! Дата смерти — 1983-й, когда был изобретен пульт управления телевизором. Сегодня мы живем в трехмерном мире, и, будучи запертыми в темном кинозале, не желаем смотреть в одном направлении. Кино удовлетворяло потребности наших отцов и дедов, забирало их деньги и будило их воображение. Но для большинства людей, живущих сейчас, кино — скучнейшее занятие. ■

Сюжеты в слитках

ЧЕЛОВЕК ВИЗУАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ ОКАЗАЛСЯ БЛЕСТЯЩИМ РАССКАЗЧИКОМ

ДЕБЮТ

А. Д.

Многофункциональность британского сноба Питера Гринуэя вошла в легенды. Давным-давно приговорив кинематограф к мучительной казни, он отказался считать себя режиссером. Он, скорее, художник широкого профиля. Литературе он как человек визуальной культуры не доверяет и даже обвиняет ее в коррупции кино. И написал-то Гринуэй всего пятьдесят статей, столько же лекций и несколько сопроводительных текстов к собственным фильмам. А тут — целая книжка на четыре сотни страниц, во всех смыслах слова художественная. В придачу ко всему весьма увлекательная. Вот до чего довел режиссера Тульс Люпер — его alter ego.

До сих пор Гринуэй и Люпер проявляли своеобразный фетишизм в отношении урана, а теперь внезапно переориентировались в сторону классических ценностей. «Золото» состоит из 101 новеллы, каждая из которых рассказывает историю одного золотого слитка, всего их сто (последний сюжет выполняет функцию довеска), а по ходу повествования их число сокращается до 92: без атомного числа урана все-таки не обошлось. Радиация, более всего интересующая Гринуэя, — влияние тоталитарного строя и тоталитарного сознания на человека. Кстати, придуманный автором Люпер присутствует в книге лишь как тень, призрак, а вместо него литературную плоть обретает его реальный прототип: спасавший евреев в годы Второй мировой, а затем сгинувший в застенках Рауль Валленберг.

«Золото» — сад сходящихся троп. В книге 101 зачин и один-единственный финиш, с каждым разом обрастающий новыми деталями, как в «Доме, который построил Джек». Все слитки, прошедшие через хранилища Дойче-банка и осевшие в Баден-Бадене, были похищены в конце войны лейтенантом немецкой армии Густавом Харпшем. Он вез их в чемодане на черном «Мерседесе», чтобы выкупить свою похищенную четырехлетнюю дочь из швейцарского санатория, но погиб, попав в аварию: машина врезалась в лошадь. Случилось это близ Больцано, итальянского городка, известного тем, что его жители были решительно не способны приготовить настоящие спагетти. С британской педантичностью Гринуэй сообщает все вышеперечисленные детали в каждой главке, сколь бы она ни была лапидарна.

Те, кто с Гринуэем до сих пор знаком не был, найдут в нем хорошего рассказчика, человека с фантазией и юмором, не слишком тщательно скрывающего за постмодернистской многоцветностью заботу о моральном облике современников. Те, кто знают Гринуэя по его фильмам, будут удивлены куда больше: оказывается, ничто человеческое ему не чуждо. Продай он права на экранизацию американцам из HBO, из «Золота» вышел бы хороший мини-сериал. ■